

THE EASTERN
120: January 2020

ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА
ST JOHN'S RUSSIAN
Military Road, Colchester,

His Holiness Kyrill, Patriarch
Russias

Most Rev. Metropolitan
the Church Outside Russia

Rt. Rev. Bishop Irenei, Bishop of Richmond and Western Europe

www.orthodox-europe.org

ORTHODOX No

ШАНХАЙСКОГО
ORTHODOX CHURCH
Essex CO1 2AN

of Moscow and All the

Hilarion, First Hierarch of

The Church of St John of Shanghai, built in 1855, is the largest Russian Orthodox church building in the British Isles and is attended by 3,000 Orthodox of 24 nationalities, with some 100 baptisms per year. It is a parish of the East of England Orthodox Church Trust (Charity No: 1081707), part of the Russian Orthodox Church, comprising Colchester, Norwich, Wisbech and Bury St Edmunds, looking after faithful Orthodox in the East of England.

Rector, Prison Chaplain and Safeguarding Lead: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon): frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / 07745 298266

Assistant (Colchester): Fr Ioan Iana (Romanian): ovi.iana@yahoo.com / 07983 204844

Assistant (Norwich): Fr Spasimir Ivanov (Bulgarian): miro.si@abv.bg / 07746 272011

Subdeacon: Timothy Phillips

Readers: Jack Sardo, Daniel Zabacinschi, Maxim Brown

Choir and Sisterhood: Sabine Phillips: sabinenbn@yahoo.co.uk

Caretaker and Gardener: Paul Hopkins, 69 Military Road

Sunday School, St Alban's Youth Club, Searchlight Magazine and St Juliana's Sewing

Club: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

St Joseph's Construction Club: Martina Colto: coltomarian@yahoo.com

Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Church Bookshop and Publications: Audrey Body: abody@st-albans.suffolk.sch.uk

Icon Painter: Elena Khmel'nitskaya: darrat@ukr.net

Russian Orthodox Camp (Ages 9-16): Fr Stephen Platt: fr.stephen.platt@googlemail.com

Facebook: www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Website: www.orthodoxengland.org.uk

Расписание Богослужений / Timetable of Services

Saturday 4 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 5 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Monday 6 January Christmas Eve / Сочельник

5.30 pm: Vigil for the Nativity of Our Lord Jesus Christ / Всенощное бдение праздника Рождества Господа нашего Иисуса Христа

Tuesday 7 January: Orthodox Christmas / Рождество Христово

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 11 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 12 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия. Meal in the Church Hall and Children's Nativity Play / Трапеза и детское представление Рождественской пьесы

Saturday 18 January

5.30 pm: Vigil for Theophany, the Baptism of our Lord / Всенощное бдение праздника Богоявления - Крещения Господня

Saturday 19 January: Theophany / Богоявление-Крещение Господне. Bishop Irenei's Visit. Архиерейское Служение с Владыкой Иринеем

10.00 am: Hours and Divine Liturgy/ Часы и Божественная литургия

12.00 am: The Great Blessing of the Waters / Великое Водоосвятие

Saturday 25 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 26 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Тропарь Рождества Христова (Глас 4)

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащии звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока. Господи, слава Тебе!

Christmas Troparion (Tone 4)

Thy Nativity, O Christ our God, has shone forth to the world the light of reason, for in it those who worshipped the stars were taught by a star to adore Thee, the Sun of Righteousness, and to know Thee, the Orient from on high. O Lord, glory to Thee!

Тропарь Крещения Господня (Глас 1)

Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя: и Дух в виде голубине извествоваше словесе утверждение: явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе.

Theophany Troparion (Tone 1)

When Thou, O Lord, wast baptised in the Jordan, the worship of the Trinity was revealed. For the voice of the Father bore witness to Thee, calling Thee His beloved Son: and the Spirit, in the form of a dove, confirmed the truth of this word. Thou hast appeared, O Christ God, and enlightened the world, glory to Thee!

Dates for Your Diary / Важные Даты на Следующий Год

**Easter: Sunday 19 April / Пасха: Воскресенье 19
апреля**

Patronal Feast: Saturday 4 July

Престольный праздник: Суббота 4 июля

Baptisms in December

14 December: Ekaterina Dmitrieva

14 December: Eva Gogan

21 December: Nadezhda McGowne (No. 95 this year)

Church News – VERY IMPORTANT!

Bishop Irenei is going to visit us this year on Sunday 19 January and Saturday 4 July.

On 19 January, which is Theophany, God willing, Vladyka will tonsure a reader. This will also be the 35th anniversary of Fr Andrew's ordination to serve at the altar.

On 4 July, which is our patronal feast, God willing, Vladyka together with an old friend, Bishop Alexander of Vevey, will consecrate our church – we have been waiting for this moment for ten years, so this is a very important event for us. Another new reader will also be tonsured and other events will also occur, God willing. We are expecting many guests from many places.

ИНТУИЦИЯ РОДИНЫ

[Денис Халфин](#)

Белая Россия. Исход. Художник: Дмитрий Белюкин

Не сломила судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли...
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли.

Алексей Ачаир

В 1920 году Печорский уезд Псковской губернии по условиям Тартусского мирного договора вошел в пределы Эстонии. Доля этнических русских здесь составляла 65% населения. По словам писателя [Ивана Шмелева](#), этот «русский до глубочайших корней» край, включающий Печоры, Городище, Изборск, часть побережья Чудского и Псковского озер, давал эмигрантам первой волны, тоскующим по Отчизне, уникальную возможность подышать родным воздухом и физически ощутить Россию.

Когда в 1935 году русский публицист и философ [Иван Ильин](#) через тринадцать лет после изгнания читал в Эстонии лекции, он не упустил возможности приехать на границу с советской Псковщиной. Ильин просунул руку через перегородку и «нарвал русской травки на память». Потом, забравшись на вышку, увидел вдалеке – в 20 верстах – очертания Псковского собора.

«Было туманно, – писал он [Шмелеву](#) в знаменитой «Переписке двух Иванов». – Он предстал как видение, я – прошептал: “Верьте и надейтесь”...»

Верили и надеялись на скорое возвращение в разных уголках мира все, кто был вынужден покинуть Россию после смуты 1917 года. Чемоданы в домах русских изгнанников хранились наготове десятилетиями.

Константин Алексеевич Коровин. Портрет кисти В. А. Серова, 1891, из коллекции И. А. Морозова

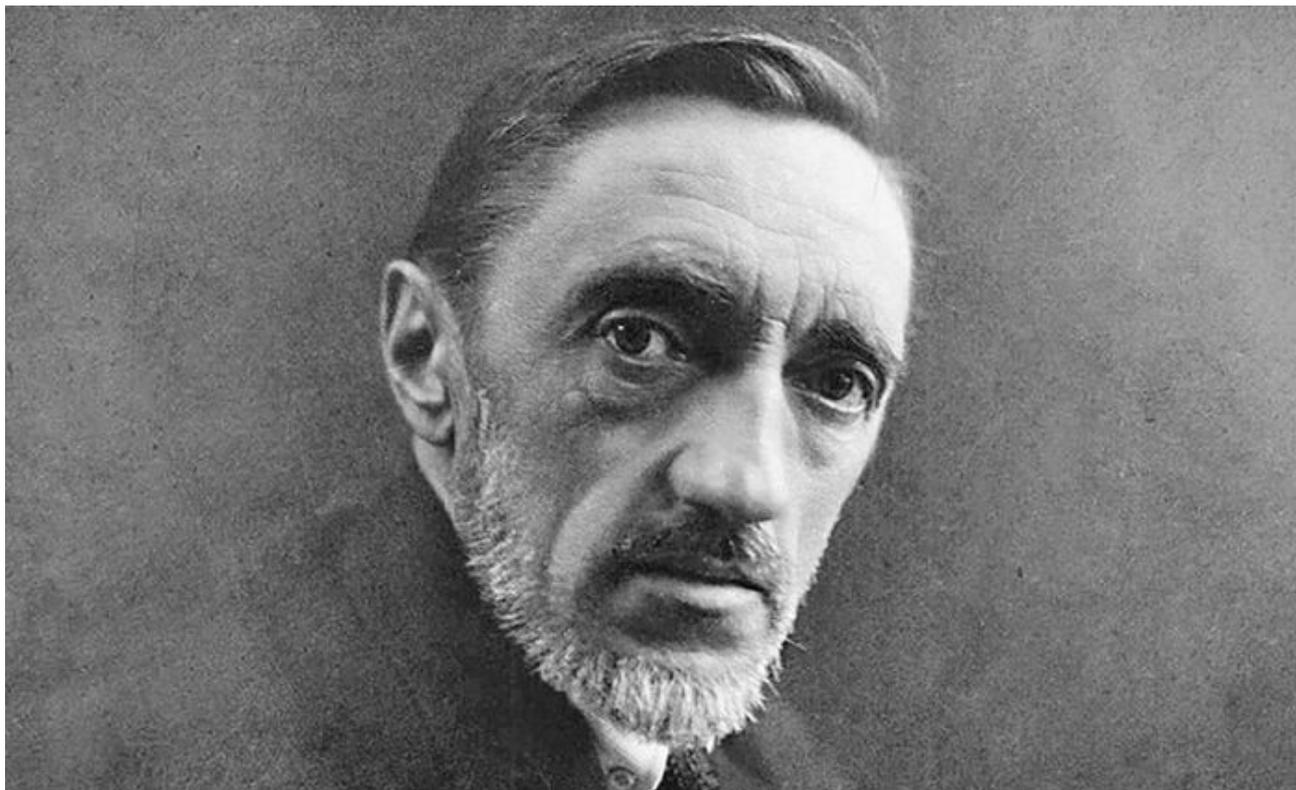
Верил и надеялся художник Константин Коровин, прозябающий в «столице Русского Зарубежья» Париже:

«Летит время. В тайне жизни сменяются настроения, а душу не покидает надежда. И пролетают воспоминания ушедшего времени, краса страны родной».

Верил и надеялся писатель Иван Шмелев, который осенью 1936-го отправился по стопам Ильина в Эстонию. В рассказе «Рубеж» Шмелев описал свои впечатления о Печорском уезде:

«Видел Россию-Русь. Она была тут, кругом – в проселках, в буераках, деревеньках, в песнях, в голых полях, в древних стенах Изборска, в часовенках, столбушках у перекрестка дорог, в глазах любопытной детворы... – о, эти глаза

узнаешь из тысячи глаз! – в благовесте, в березах, в зорях. Помню, первое ощущение, что я здесь, что это земля – родная, испытал я на ощупь, еще ничего не видя... Я сразу узнал осенний воздух родного захолустья – вспомнил. И стало родное открываться – в лае собаки из темноты, в постуке – где-то там – телеги, в окрике со двора бабьим визгливым голосом: “Да черти, штоль, тебя, окаянного, унесли... Мишка-а?”, в дребезге подкатившего извозчика. И стало так покойно, укладливо, уютно на душе и во всем существе моем, будто всё кончилось и теперь будет настоящее...»

Иван Шмелев

А потом он, как и его друг Иван Ильин, отправился «до проволоки колючей». На границе с Россией в мимолетном луче солнца ему также открылся Псковский собор, но только на мгновение:

«Блеснул оконцем, белизной стен, жостью. И – погас. Странное чувство – ненастоящего, какой-то шутки, которая вот кончится. Так я воспринимаю это заграждение, “предел пути”. Всё кругом дышит знакомым, родным, моим. Мой воздух, древние мои поля, родимые. Рубеж... – сон, наважденье, шутка? И горечь, горечь».

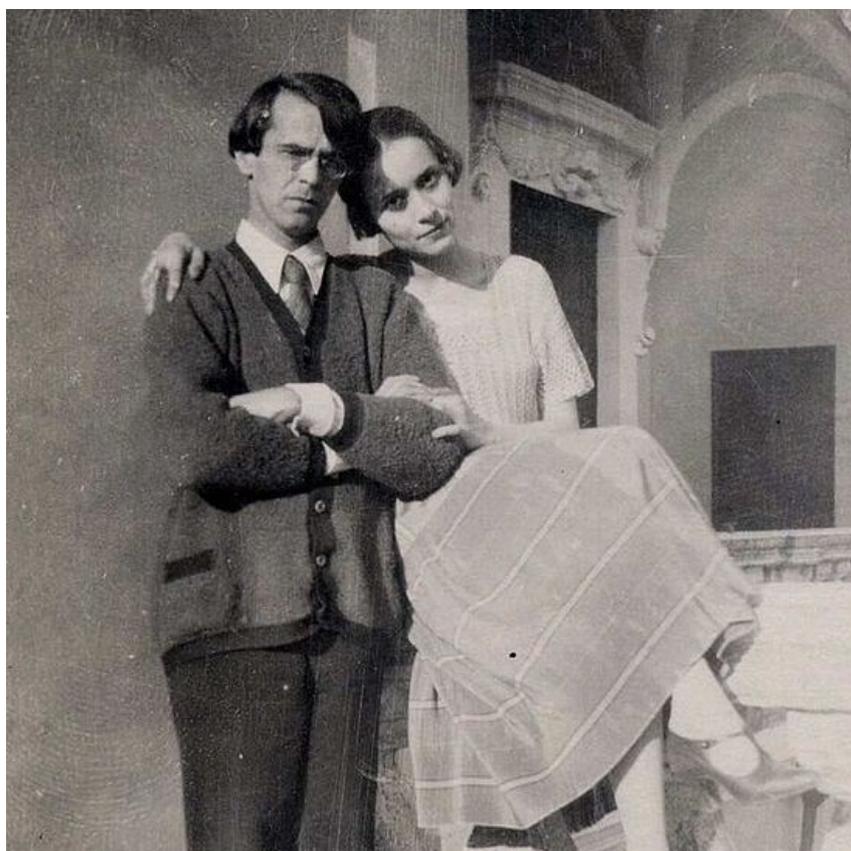
Мой воздух, древние мои поля, родимые. Рубеж... - сон, наважденье, шутка?

Верил и надеялся поэт и писатель Георгий Иванов. Скитаясь по Европе, он тоже нашел Родину в прибалтийской стране, но не в Эстонии, а в Латвии, где бывал в 1930-х годах. В своем эссе «Московский форштадт» он описывает одноименный район Риги, где издавна селились русские купцы и ремесленники:

«Маленький островок, уцелевший от погибшего материка, он в неприкосновенности сохранил черты той России, которой давно не существует».

Верил и надеялся поэт Владислав Ходасевич, рождая незабвенные строки: «А я с собой свою Россию в дорожном уношу мешке». Осиротевшие люди разнесли Россию по всему миру. Георгий Мелихов в книге «Русский Харбин» очень точно подметил: «Бережение своего быта – эта черта была органически присуща российской эмиграции в Манчжурии». И не только в Манчжурии.

Тэффи в рассказе «Летом» упоминала о мадам Яроменко, устроившей под Парижем загородный пансион. Он превратился в «дачу в окрестностях Тамбова», потому что там воцарился русский старосветский быт: «В каком жардене какой виллы услышите вы звонкие слова: “Манька, где крынка? А-а? Под кадушкой?”»

В другом ее рассказе, «Ностальгия», есть такие строки:

«У нас каждая баба знает: если горе большое и надо попричитать – иди в лес, обними березоньку – крепко, двумя руками, – грудью прижмись, и качайся вместе с нею, и голоси голосом; словами, слезами изойди вся вместе с нею, с белою, со своею, с русской березонькой!.. Переведите русскую душу на французский язык... Что? Веселее стало?»

Упомянутый выше Константин Коровин, работая в изгнании над пейзажами Парижа, писал:

«Конечно, хотя я пишу и Париж, пишу красками и нахожусь в Париже, но душой живу больше в Охотине (дача художника под Переславлем-Залесским. – Д.Х.) и вижу, как теперь опали листья сада, пахнет сыростью, землей и осенними листьями, а в бочку кладут рубленую капусту и засаливают грузди, и будто я ем рыжики в сметане. У сарая намохлились от дождя куры. Дорога грязная, и в воздухе слышен запах дыма от овина и стучат цепи – молотят рожь».

Писатель Гайто Газданов, долгое время работавший таксистом во французской столице, в своих «Ночных дорогах» отмечал, что в Париже открывались десятки русских магазинов и ресторанов, издавались русскоязычные газеты и журналы, регистрировались наши общественные организации. Но он признавался:

«...мне трудно было дышать, как почти всем нам, в этом европейском воздухе, где не было ни ледяной чистоты зимы, ни бесконечных запахов и звуков северной весны, ни огромных пространств моей Родины...»

Как писал видный общественный деятель нашего Зарубежья Владимир Даватц,

«В “русском исходе” ушли со своих насиженных мест миллионы людей, людей совершенно различных общественных положений, занятий, партийных группировок, навыков, вкусов, образования. Люди эти рассеялись по миру, неся с собою всюду элементы старой русской культуры, спасенной от катастрофического шквала. И потому, куда бы они ни заносились, они несли с собой аромат Родины...»

Изгнанные Родиной, они рассеялись по миру, неся с собою всюду элементы спасенной старой русской культуры

По разным подсчетам, после большевистского переворота Россию покинуло от 2 до 3 миллионов человек. Кого-то вышвырнули насильно, кто-то уехал по своей воле, спасаясь от репрессий со стороны новой власти. Это было насильственное расчленение русского народа, потому что «за бортом» оказался целый срез общества – люди самых разных идеологий, взглядов и сословий.

Иван Бунин сокрушался:

«Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный Богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурою. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, вовеки непоправимы».

Показательно, что в те времена из их среды не вышло ни одного криминального сообщества. А многотысячная армия боевых офицеров и солдат, обстрелянная на полях сражений Первой мировой и Гражданской войн, в 1920–1930-х могла бы создать на Западе серьезную конкуренцию самым влиятельным национальным мафиям. Но у изгнанников первой волны оказался самый низкий процент преступности среди остальных диаспор, чего не скажешь о так называемых «новых русских», хлынувших «за кордон» в лихих 1990-х.

Иван Бунин

При этом подавляющее большинство русских изгнанников, оторванных от Родины, не имели средств к существованию, и им приходилось начинать жизнь с нуля. Представители самых разных слоев населения, включая дворянскую элиту, выживали, зарабатывая на хлеб у заводского станка, за рулем такси, грузчиками, посыльными, разнорабочими, дворниками, уборщиками. Кто-то из русских солдат и офицеров уходил служить во французский Иностраннный легион, другие вербовались добытчиками на рудники в южноафриканской Родезии, третьи отправлялись на сельскохозяйственные работы в Южную Америку.

Граф Алексей Орлов, офицер Добровольческой армии, оказался с семьей в Швейцарии. Чтобы самому не умереть с голоду и прокормить близких, он устроился санитаром в больницу для бедных, где в число прочих обязанностей входило мытье и чистка

уборных. Граф это делал добросовестно, с честью и достоинством, присущими настоящему русскому дворянину. Он совсем не стеснялся такой работы, о чем не раз говорил своему сыну Петру: «Зато мои полы и туалеты были самыми чистыми».

В изгнании оказалась значительная часть российской интеллектуальной элиты, цвет нашей интеллигенции: больше половины философов, литераторов, художников, композиторов и актеров, проживавших в те времена в России. В результате вместо «крестных отцов» мафии Русское Зарубежье подарило миру четырех Нобелевских лауреатов: Ивана Бунина – за достижения в области литературы, Илью Пригожина – в химии, Семена Кузнеця и Василия Леонтьева – в экономике.

Игорь Сикорский

В мировой науке прогремели и другие имена наших выдающихся ученых-новаторов. Среди них изобретатель вертолета Игорь Сикорский, создатель современного телевидения Владимир Зворыкин, экономисты Александр Билимович и Сергей Маслов,

физик-механик Степан Тимошенко, судостроитель Владимир Юркевич, инженер-строитель Константин Белоусов и многие другие гении мысли.

В изгнании оказались всемирно известные певец Федор Шаляпин, композиторы Сергей Рахманинов и Игорь Стравинский, художники Илья Репин и упомянутый выше Константин Коровин, актеры Михаил Чехов и Иван Мозжухин, мастера балета Анна Павлова, Елизавета Суворова и Вацлав Нижинский, театральные деятели Сергей Дягилев, Василий Воскресенский и Сергей Волконский, философы Иван Ильин, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Николай Лосский, Лев Шестов, Лев Карсавин, Иван Солоневич.

За пределами Родины рассеялась целая плеяда русских литераторов: кроме упомянутых Бунина, Шмелева, Тэффи, Газданова, Ходасевича, Иванова, это Владимир Набоков, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Александр Куприн, Константин Бальмонт, Дмитрий Мережковский и множество других выдающихся прозаиков, поэтов и публицистов. Трудно переоценить, какой вклад русская эмиграция первой волны внесла в мировую науку и культуру.

Многие из русских скитальцев не выдерживали горькой разлуки с Родиной и вернулись, несмотря ни на что. В 1921 году из Константинополя в Новороссийск прибыл пароход «Рашид-паша» с первой партией желающих вернуться в Россию эмигрантов. Из 1500 человек 500 были расстреляны большевиками.

В том же 1921 году в Праге вышел в свет литературный сборник «Смена вех», где русские публицисты искренне призывали собратьев по изгнанию примириться с советской властью и убеждали немедленно возвращаться домой. Трое идеологов издания – Николай Устрялов, Юрий Ключников и Александр Бобрищев-Пушкин – так и сделали. Они приехали в Страну советов, где их впоследствии обвинили в шпионаже и расстреляли. С 1921 по 1931 год в Россию вернулось более 180 000 эмигрантов, и многих из них в результате постигла схожая участь.

С приходом в Европу в конце 1930-х годов коричневой чумы Русское Зарубежье поразило трагическое разделение: одни решительно выступили против Гитлера в рядах союзнических армий и партизан, но нашлись и те, кто с воодушевлением шел в рядах Вермахта освобождать Россию от другой чумы – красной. Примечательно, что идея назвать «Соппротивлением» (фр. Résistance) освободительное движение в оккупированной Франции принадлежит молодым русским эмигрантам Борису Вильде и Анатолию Левицкому, героически погибшим от рук фашистов. А другая наша соотечественница, живущая в Пятой республике, певица Анна Смирнова-Марли написала гимн французского Соппротивления «Песня партизан».

Многие из тех, кто искренне верил в шанс освобождения России от красного режима с помощью Вермахта, горько заблуждались, не ведая, какая страшная участь подготовлена Гитлером для русских людей согласно «Генеральному плану Ост». Для

глубоко отчаявшихся людей, насильно оторванных от Родины, это было настоящее искушение патриотизмом.

Георгий Иванов

Но прежде, чем их проклинать, следует хотя бы отчасти понять, какая черная бездна отчаяния затянула многих из них. Об этом можно судить по страшным стихам Георгия Иванова, пронизанным мрачной иронией и роковой безысходностью:

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,

Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

И всё же, несмотря на то, что большевики вместе с Родиной украли у этих людей всё, одного – самого главного – они отнять не смогли – веры в Бога, потому что «Царствие Божие внутри нас есть». Как говорил в одной из своих проповедей настоятель Свято-Никольского кафедрального собора в Вашингтоне протоиерей Димитрий Григорьев, «вера Божия не исчезает с Земли, и Церковь стоит непоколебимо».

Архиепископ Шанхайский Иоанн (Максимович)

А другой величайший миссионер Русского Зарубежья [архиепископ Шанхайский Иоанн \(Максимович\)](#) отмечал:

«Очутившиеся за границей русские люди пережили большие душевные потрясения. В душах большинства произошел значительный перелом, ознаменовавшийся массовым возвращением интеллигенции к Церкви. Многие храмы за рубежом наполнены по преимуществу ею. Интеллигенция заинтересовалась вопросами духовной жизни и стала принимать активное участие в церковных делах».

Там, где селились русские изгнанники, в первую очередь обустраивалась домовая церковь, потом возводился храм, так что, наряду с научной и культурной миссией, они несли по миру проповедь Православия. Кроме архиепископа Иоанна Шанхайского среди выдающихся миссионеров Русского Зарубежья просияли имена архиепископов Иоанна (Шаховского) и Феофана (Быстрова), епископа Василия (Родзянко), митрополитов Антония Сурожского, Вениамина (Федченкова), Евлогия (Георгиевского), Анастасия (Грибановского), Антония (Храповицкого), архимандрита Киприана (Керна), протоиерея Александра Шмемана, иерея Александра Ельчанинова, богословов Владимира Лосского, Ивана Андреева и многих других видных деятелей Православной Церкви.

Приходы и монастыри, основанные в самых отдаленных уголках Земли, стали островками Святой Руси. Неслучайно на чужбине при строительстве храмов часто укладывали в фундамент мешочек русской земли вместе с иконой, как было сделано при закладке церкви Александра Невского в Бизерте (Тунис). На сегодняшний день Русской Православной Церкви Заграницей принадлежит более 400 приходов и около 40 монашеских общин, рассыпанных по всему миру.

«Рассеянные по всему свету, мы сохраняем данные нам Богом особенности духа», – писал архиепископ Иоанн (Максимович), но в то же время мудрый пастырь констатировал печальное явление:

«Проживая в новых условиях, среди других народов, многие из русских за истекшие годы успели почти забыть свое Отечество, свой язык и свои обычаи и слиться с массой, среди которой проживают».

Увы, естественным образом со сменой поколений «бережение русского быта» среди потомков белоэмигрантов сошло на нет. Их дети, внуки и правнуки, рожденные на чужбине, обрели другую Родину. Потомок известного дворянского рода, живущий во Франции, граф Андрей Мусин-Пушкин признал:

«Эмиграция была обречена на исчезновение или ассимиляцию. Старики умерли, молодые постепенно растворились в местной среде, превращаясь во французов, американцев, немцев, итальянцев... Иногда кажется, от прошлого остались лишь красивые, звучные фамилии и титулы: графы, князья, Нарышкины, Шереметьевы, Романовы, Мусины-Пушкины...»

Но те старики умирали не просто так. Когда-то писательница Нина Берберова от имени русских эмигрантов первой волны отметила: «Мы не в изгнании, мы в послании». И это послание как никогда актуально звучит сейчас – через сто лет после того, как они вынесли на своих плечах историческую Россию из пылающего дома.

Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живет духом, тот не будет иметь Родины

По-настоящему любить свою Отчизну могут только те, кто эту любовь выстрадал, а нам учиться любить никогда не поздно. Опыт Русского Зарубежья первой волны явственно показывает, что патриотизм и любовь к Родине – категории не политические, а духовные. Как писал Иван Ильин,

«Родина есть нечто от духа и для духа. И тот, кто не живет духом, тот не будет иметь Родины; и она останется для него темною загадкою и странною ненужностью».

А слова писателя Бориса Зайцева, написанные в изгнании в ту далекую эпоху, звучат культурным завещанием тем, кому предстоит строить будущее России:

«Возможно, приближаются новые времена – и в них будет возможно возвращение в свой, отчий дом. Так что вот: блеск культуры духовной в древности, своеобразие, блеск ее и в новое время, величие России в тысячелетнем движении и ощущение – почти мистическое – слитности своей сыновней с отошедшими, с цепью поколений, с грандиозным целым, как бы существом. Сквозь тысячу лет бытия на горестной земле, борьбы, трудов, войн, преступлений – немеркнущее духовное ядро, живое сердце – вот интуиция Родины. Чужбина, беспризорность, беды – пусть. Негеройская жизнь обывателя, но под нею нечто. Думается и так: те, кому дано возвратиться на Родину, не гордыню или заносчивость должны привезти с собой. Любить – не значит превозноситься. Сознать себя “помнящим родство” – не значит ненавидеть или презирать иной народ, иную культуру, иную расу. Свет Божий просторен, всем хватит места. В имперском своем могуществе Россия объединяла и в прошлом. Должна быть терпима и не исключительна в будущем – исходя именно из всего своего духовного прошлого: от святых ее до великой литературы все говорили о скромности, милосердии, человеколюбии...»

Денис Халфин

25 декабря 2019 г.